Э.А. Шулепова

Культурный опыт и проблема его сохранения

(к постановке проблемы)

Один из способов постижения опыта предшествующих поколений — изучение историко-культурных объектов, являющихся воплощением социокультурной памяти. В этом контексте большое значение приобретают две проблемы. Первая — осмысление роли культурного наследия в жизни современного общества и индивида. Вторая — намеренная мемориализация и связанная с нею целенаправленная историческая коммуникация, т.е. изучение специальных актов передачи (или актуализации) социально и личностно необходимой информации из прошлого в будущее. В последнем случае мы имеем дело с *мемориальной* культурой или культурой увековечения, включающей в себя, наряду со специализированными, исторически сложившимися формами (летописание, завещание, памятные знаки, музеефикация и др.), разнообразные проявления, которые являются органичными составными частями культуротворческих акций. Содержательные особенности мемориальных акций и знаков, порождаемых конкретной культурной средой, позволяют постичь фундаментальные основы этой среды (культуры в целом).

Сегодня имеет место некоторое несоответствие между весомостью мемориальной культуры, которая насквозь пронизывает нашу жизнь, и недостаточным научным осмыслением феномена памятника. Причем речь идет о памятнике как о напоминании, а не только произведении искусства, оцениваемом исключительно с эстетической точки зрения.

Большой интерес представляют психологические и моральные установки культуры, порождающей памятник как специальное средство хранения и передачи наиболее существенной исторической информации. Эта информация связана системой ценностей, от которой, в конечном счете, зависит сама возможность функционирования социального организма и полноценное бытие личности. Все более актуальным становится осмысление социокультурной памяти в контексте традиция/новация. Важно решить вопрос о том, какие культурные ценности и какими способами должны быть сохранены и переданы новым поколениям.

Необходим детальный, тщательный анализ содержательных основ культуры увековечения, предполагающий выявление того, как именно в той или иной среде, в ту или иную эпоху осуществлялся отбор мемориального материала, т.е. есть явлений и образов, достойных передачи. При этом важно исследовать сущность памятника, или объекта культурного наследия, с точки зрения его функциональных особенностей.

Памятник есть материальный объект, фиксирующий пересечение связей нескольких информационных систем. Это его качество позволяет воссоздать ценностный образ определенного культурного явления. В памятнике заключены не только известные уже связи, но и еще не вычлененные. Именно поэтому памятник, на наш взгляд, не восстановим, хотя воспоминания о нем могут долго сохраняться в конкретном информационном поле. Новодел является всего лишь копией, а значит, и статус у него должен быть соответствующий[1]. Другими словами, национальную святыню или уникальный мемориальный объект, воссозданный практически с нуля, следует рассматривать только как свидетельство мастерства реставраторов.

Границы любого памятника условны и определяются той информацией, которую из него можно извлечь в данный момент; связи, сосредоточенные в нем, различны — одни адаптируются к сегодняшнему дню, другие, напротив, исключаются из современной культуры. То есть разные части наследия (в том числе и памятники) оказываются как бы неравноценными в глазах потомков. Нередко речь идет о разной интерпретации одних и тех же фактов в определенные исторические периоды. В зависимости от интересов субъектов наследия (регионов, социальных групп, общностей, политических партий и т.п.) актуализируется и привносится в современность тот или иной памятник истории и культуры, тот или иной исторический опыт. С этой точки зрения наследие может рассматриваться как «ценность» или как «факт». Очевидна необходимость актуализации различных пластов наследия и придания им позитивной окраски. В первую очередь имеются в виду те его части (в том числе и не вошедшие в музейные собрания), которые составляют многовековой фонд отечественной культуры. Именно этот фонд может рассматриваться и как первейший источник, и как условие проявления многочисленных форм и возможностей альтернативной идентификации, выступающей в качестве основы формирования полистилистической культуры.

В информационном обществе, где проблема адекватной адаптации социокультурной памяти в значительной степени совпадает с проблемой сохранения общегуманитарных ценностей, возникает потребность осмысления совокупности данных об исторических уровнях культуры, т.е. моделирования индивидуализированной историко-культурной среды жизнедеятельности того или иного человеческого сообщества. Изменяются и уточняются роль и функции памятников: они становятся как бы главным источником сведений о локальной истории и традиционной культуре. Памятники, более чем какие-либо другие свидетельства истории, формируют

---

[1] Эта точка зрения отражена в международных документах, в частности в «Нарском документе о подлинности» (ноябрь 1994 г., Япония).

представления об историческом времени, эволюционных и деструктивных процессах. Музеефицированные памятники позволяют, как в пространстве, так и во времени, дистанцироваться от своей собственной культуры и понять глубинные слои исторического процесса. Причем принцип музейного историзма позволяет подавать материал через те слои информационной достоверности, которые формируют историко-культурную среду как среду памяти, воссоздающей локальный мир человека не как «плоскостной», а как «стереоскопический». При этом нравственные и эстетические ценности измеряются общечеловеческой меркой, и субъектом истории являются все поколения, а не только ныне живущие.

Необходимость формирования исторического и нравственного самосознания, особенно у молодежи, диктует выделение и *изучение памятников в составе актуальной культуры*. С точки зрения музеефикации историко-культурных объектов актуальную культуру можно рассматривать как совокупность результатов творчества предшествующих поколений, представленную в материальных и духовных произведениях, а шире — в культурных текстах.

Говоря об актуальности изучения памятников, необходимо подчеркнуть, что они могут являться частью открытой (функционирующей в рамках экспозиции) или закрытой системы. Под последней подразумеваются невыявленные историко-культурные объекты или классифицированные, но не поставленные на государственную охрану и не включенные в научный оборот. Сегодня большое число памятников существует в закрытой системе, которая стараниями специалистов по мере возможности и в силу потребностей институализируется. Совокупность историко-культурных объектов, оставаясь закрытой (или относительно закрытой), может составить *фонд региональной памяти,* который в результате актуализации станет объектом музеефикации, туризма, педагогической и просветительской деятельности. При этом особое значение приобретает, во-первых, историко-культурная характеристика эпохи возникновения тех или иных объектов, их детальный историко-архитектурный анализ и, во-вторых, изучение общей и конкретной ситуации, связанной с созданием архитектурных объектов, анализ событий, перечень меморируемых лиц, имеющих к ним отношение, их биографические данные. Специалисты, занимающиеся составлением Свода памятников, давно используют этот плодотворный подход для выявления и изучения региональных памятников, совокупность которых предоставляет возможность раскрыть особенности местного «культурного гнезда».

Культурное наследие несет в себе черты общего и единичного, черты общемировые и национальные. Оно осваивается избирательно, однако чем больше освоенный фонд, чем

глубже его исторический пласт, чем выше степень интеграции в данное историческое время освоенных памятников культуры, тем меньшее следует опасаться за сохранность и непрерывность жизни культурного наследия в целом. Степень овладения им и степень его использования является важнейшим показателем культурного уровня общества.

Считается, что время — главный враг культурного наследия. Это не совсем так. Самая большая опасность кроется в отрыве культурной элиты общества, освоившей и хранящей определенные ценности, от остального населения, лишенного привязанности к ним. Если такой отрыв существует, если масса людей, отчужденных от своего культурного наследия, стремительно нарастает и становится критической, происходит «взрыв». Как результат — варварское отношение к наследию и его хранителям. Отечественная история свидетельствует о том, что социальные катаклизмы, сопровождающиеся глубокими сдвигами в экономической и социальной сфере и резкой сменой ценностных ориентаций, приводят к разрыву с предшествующей культурой, принимающему порой форму крайнего отрицания. По мере того, как сглаживается острота конфликта, на первый план в отринутой культуре, утратившей непосредственное функциональное назначение и связь с прежними хозяйственными и идеологическими механизмами, выступает ее духовная составляющая. С этого момента можно говорить о культурном наследии в точном смысле слова — как совокупности предметных реалий и духовных ценностей прошлого, сохранившихся в современной культуре и составляющих источник ее развития.

Поскольку на сегодняшний день в России культурное наследие практически нигде не сохранилось в виде целостного комплекса традиций, его следует признать той частью культуры, которой как никакой другой требуется государственная поддержка. Сложность выбора адекватной политики в отношении наследия обусловливается еще и тем, что отдельные его формы, с одной стороны, мало способны к самовоспроизводству, а с другой — очень болезненно реагируют на любое постороннее вмешательство. Кроме того, необходимо помнить, что культурное наследие в равной мере принадлежит как прошлому, так и будущему. Вопрос о том, что сохранять, субъекты культурной политики не вправе решать ни с классовых, ни с прагматических, ни с эстетических, ни с каких-либо иных преходящих групповых позиций. Сохранять нужно все, т.е. наследие в целом как основу памяти поколений. Такая установка на первый взгляд кажется утопичной. Однако утопия становится реальностью, как только объединяются усилия, направленные на сохранение культурного наследия, и используются технологические преимущества, которые дал XX век.

В самом деле, сегодня способы сохранения наследия весьма разнообразны. Благодаря демократизации общественной жизни, развитию туризма и средств массовых коммуникаций растет число людей, получающих доступ к освоению ценностей культуры. Этому могут и должны способствовать такие способы сохранения наследия, как консервация, реставрация, реабилитация, реконструкция, резервация, придание заповедного статуса. Новые информационные технологии позволяют материализовать память культуры, детально зафиксировать отдельные явления и объекты. Наиболее надежный путь — создание условий для непрерывной жизни культурной традиции, но он же и наиболее сложный. Осилить его невозможно без продуманной государственной культурной политики, неотъемлемыми составляющими которой должны стать изменение отношения к национальному культурному наследию, проведение эколого-культурной экспертизы кардинальных политических решений и социально-экономических проектов. Историко-культурные объекты, обладающие социокультурным «зарядом», выступают в качестве материальных носителей памяти поколений. Наиболее приемлемыми становятся те из них, которые характерны как для доминирующей культуры конкретного общества, так и для одной или нескольких его субкультур.

Социально-политические изменения последних лет положительно сказались на состоянии мемориальной политики. С одной стороны, хорошо, что отдельные факты разрушения памятников советской эпохи не переросли в целенаправленную государственную политику — в этом отразилось нежелание отрекаться от прошлого. С другой, можно только приветствовать кампанию по восстановлению разрушенного при прежней власти, особенно там, где инициатива исходит снизу.

В то же время недостаточное внимание к культуре, в том числе и к ее традиционным пластам, в значительной степени сводит «на нет» влияние многих экономических и политических факторов развития, которые воспринимаются населением как чуждые, как очередная административная акция, навязанная сверху. Общество постепенно приходит к осознанию того, что социокультурные факторы развития не менее значимы, чем экономические или политические.